

Мо Линъюнь делал успехи в практике и теперь уже был монахом на этапе Закалки Дыхания, но Цзин Жун никак не говорил ему, какой у него духовный корень, да и сам Мо Линъюнь никак не мог понять это сам.

Эти духовные корни подразделялись на пять стихий: металл, дерево, вода, огонь и земля, а среди мутировавших встречались ветер, молния и лед. Что же до Небесного Духовного Корня, то он существовал лишь в легендах.

Среди прославленных великих мастеров человеческой расы времен глубокой древности обладателей Небесного Духовного Корня было немало — например, божественный музыкант Лин Цзюнь и прародитель Бо Ян.

Однако после Войны Божеств небо и земля разделились, духовная энергия день за днем истощалась, и Небесный Духовный Корень давно стал легендой. Двойной духовный корень уже считался редкостным даром, а обладатель одиночного духовного корня был гением среди гениев.

А Цзин Жун как раз и обладал Небесным Духовным Корнем.

Мо Линъюнь и не смел мечтать о Небесном Духовном Корне, но он полагал, что уж хуже двойного духовного корня его собственный точно не будет. Почему же наставник упорно ему об этом не говорит?

Практика Мо Линъюня постепенно входила в привычную колею, и под шорох зимнего снега наступил его первый Новый год в Секте Сюаньтянь. В лесу снова разнеслись крики журавлей, и он, оставшись один на один с мечом, практиковал технику владения мечом среди заснеженных сосен. В изгибе его бровей и во взгляде уже проступала юношеская дерзкая острота.

В этом лесу одинокая фигура с мечом излучала собственное сияние, переливавшееся на лезвии.

Чуть выше по склону, над покрытыми толстым слоем снега соснами и кипарисами, стояли два монаха, издалека наблюдая за тем, как Мо Линъюнь тренируется с мечом.

Нин Цин был одет гораздо теплее Цзин Жуна: поверх обычной одежды на нем красовалось просторное зимнее манто, а в руках он согревал жаровню. Большая часть его черных волос рассыпалась по плечам, ниспадая на белую шею, но губы все равно казались бледнее обычного, выдавая болезненную слабость.

— Линъюнь — ученик поистине редкого таланта, — завел разговор Нин Цин.

— В свое время я обратил внимание именно на это дарование, — Цзин Жун смотрел на ничего

не подозревавшего Мо Линъюня в лесу. Он вовсе не был филантропом, но, приняв Мо Линъюня в ученики, получил куда больше сюрпризов, чем рассчитывал.

— Старшему брату не о чем слишком сильно беспокоиться, — Нин Цин тоже смотрел на Мо Линъюня. — Хотя глава секты вот-вот выйдет из уединения, ученик Линъюнь столь превосходит, что глава непременно признает его.

Цзин Жун ничего не ответил. Его младший брат обладал поразительной способностью проникать в чужие мысли: во многих случаях Нин Цин понимал его с полуслова, стоило тому лишь подумать о чем-то — о чем следовало говорить, он говорил, а о чем не стоило — хранил молчание. Подобный нрав Нин Цина был крайне удобен для такого немногословного человека, как он сам.

— Не говоря уже о его выдающемся таланте к мечу, одного лишь духовного корня было бы достаточно, чтобы глава секты признал этого внука-ученика, — голос Нин Цина немного смягчился. Он видел, что Цзин Жун очень дорожит этим учеником, и дело было не только в таланте и духовном корне, но и в возникшей за время совместной жизни наставнической привязанности, и в том, что юноша просто пришелся ему по душе.

Цзин Жун повернул голову, бросил взгляд на Нин Цина, перехватил его за запястье и пустил по жилам тонкую нить духовной энергии. Прямого ответа он давать не стал, лишь бесстрастно произнес:

— Меньше спускайся с горы.

Нин Цин лишь улыбнулся и промолчал.

Тепло от прикосновения Цзин Жуна разлилось по всему телу, разгоняя неискоренимый внутренний холод Нин Цина.

Его болезненное телосложение обычные люди не могли заметить по внешнему виду или походке — лишь он сам знал, насколько невыносимо бывает во время приступов.

Когда двое братьев по секте уже удалялись, Мо Линъюнь, только что завершивший последний удар мечом, словно невзначай бросил взгляд на небо. Небо было ярко-синим, перед самым выпадением обильного снега оно стало серым, а когда снежинки укутали мир, оно отразилось чистой белизной.

Поистине интересное небесное явление.

В канун Нового года Мо Линъюнь приготовил танъюань с красной фасолью и вместе с Цзин Жуном встретил Новый год в Зале Линсяо. На нем была красная одежда, в руках он держал пиалу с танъюанем, и выглядел невероятно празднично.

Цзин Жун не собирался переодеваться в новые одежды. Вместе с Мо Линъюнем они стояли у входа в зал и смотрели на падающий в канун Нового года снег. Цзин Жун не до конца понимал причину радости Мо Линъюня, но раз ученику это нравилось, он просто составлял ему компанию.

Повернув голову вбок, он увидел лицо с глуповатой улыбкой. Мо Линъюнь сиял от счастья и говорил:

— Пусть этот Новый год не слишком шумный, но с наставником рядом мне кажется, что всё уже абсолютно прекрасно.

Мо Линъюнь улыбнулся так, что показались его маленькие клыкастые зубки, а глаза его ярко блестели.

Цзин Жун никогда раньше не праздновал Новый год. Для него каждый день ничем не отличался от других, и впереди его ждали еще сотни и тысячи таких же обычных дней. Но сейчас, глядя на то, как счастлив Мо Линъюнь, он невольно тоже заразился частью этой радости.

— Что вы делаете после наступления нового года?

— Навещаем родственников и друзей. Впрочем, у меня их нет, так что это можно пропустить, — Мо Линъюнь съел один танъюань и стал перечислять Цзин Жуну свои новогодние занятия. — Еще загадывают, чтобы новый год был лучше прежнего, и все такое. В конце концов, как только праздники проходят, наступает весна, а весной все живое пробуждается — разве это не замечательно?

— Мм, — Цзин Жун молча слушал. Мо Линъюнь неожиданно взял и поднес к его рту танъюань. Цзин Жун на мгновение замер, глядя на круглый шарик, оказавшийся прямо перед его губами, а затем услышал беззаботные слова Мо Линъюня:

— Наставник, попробуй танъюань? Они безумно вкусные, у нас на родине в канун Нового года всегда едят по пиале.

Улыбка Мо Линъюня была открытой и лучезарной, а смысл его слов — простым и чистым. Цзин Жун приоткрыл рот и проглотил угощение, а затем спросил:

— Вы едите танъюань только на праздники?

— Нет, на Праздник фонарей тоже едим.

— Праздник фонарей?

— Это через несколько дней! Наставник, у тебя есть любимая начинка? Я приготовлю.

— ...Нет, — Цзин Жун очень рано перешел на полное воздержание от обычной пищи, и из бесчисленных вкусов человеческого мира он уже почти ничего не помнил. Однако танъюань, который только что скормил ему Линъюнь, был сладким.

Мо Линъюнь думал, что пробудет на Пике Линсяо еще долго, и что его полная встречного ветра семнадцатилетняя жизнь наконец сделает поворот к лучшему. Но воля небес оказалась насмешливой: он не смог провести с Цзин Жун даже Праздник фонарей до конца.

Глава Секты Сюаньтянь, Даос Тяньцюань, вышел из уединения.

Это был седобородый старец, чей единственный взгляд заставил Мо Линъюня замереть на месте. Сложив вместе два пальца и окутав их слабым светящимся ореолом, старик провел ими от запястья Мо Линъюня до самого локтя.

Мо Линъюнь немного занервничал, но, заметив невозмутимое выражение лица Цзин Жуна неподалеку, на мгновение успокоился — до тех пор, пока Даос Тяньцюань не произнес:

— И впрямь Небесный Духовный Корень.

Н-небесный духовный корень?! О нем речь? Или о Цзин Жуне? Мо Линъюнь немного растерялся, и в этом смятении услышал вторую фразу Даоса Тяньцюаня:

— Но у него Тело с врожденными разрушенными меридианами, Ханьсю. Даже если ты примешь его в ученики, в этом не будет никакого толку.

Тело с врожденными разрушенными меридианами? Он слышал об этом от мастера Нин: меридианы практикующего с таким телом подобны бамбуковой корзине — они не способны удерживать духовную энергию, и она будет рассеиваться во все стороны. С подобным телосложением невозможно стать заклинателем, даже до Стадии Закладки Основания не добраться.

Если бы ученик столь почтенного Даоцзюня Зарождающейся Души обладал Телом с врожденными разрушенными меридианами, об этом бы растрепали повсюду, и над ними смеялись бы все кому не лень.

Мо Линъюнь не мог вымолвить ни слова, слыша лишь то, как его предок-наставник, учитель Цзин Жуна Даос Тяньцюань, продолжал говорить:

— Врожденное разрушение меридианов с древности и по сей день не имеет способа исцеления. Ханьсю, тебе лучше вовремя остановиться и минимизировать убытки.

Даос Тяньцюань с самого начала и до конца разговаривал только с Цзин Жуном, даже не взглянув лишний раз на Мо Линъюня, явно не собираясь признавать этого внука-ученика. Судя по всему, стоило Цзин Жуну дать согласие, как тот тут же под каким-нибудь предлогом объявил бы на весь мир об изгнании Мо Линъюня из секты.

Цзин Жун не смотрел на него и ничего не отвечал Даосу Тяньцюаню, пока тот не поторопил:

— Ханьсю, если ты не можешь принять решение...

Почти на уровне инстинкта Цзин Жун заслонил собой Мо Линъюня. Не глядя ни на ученика, ни на Даоса Тяньцюаня, он сложил руки в приветствии и произнес:

— Учитель, позвольте вашему ученику обдумать это.

Цзин Жун вернул Мо Линъюня в Зал Линсяо. Всю дорогу они шли молча, и в самом зале сохранялась тяжелая тишина. Мо Линъюнь посмотрел на висевший на стене вечный календарь: число пятнадцать, которое он сам специально обвел кистью, средь бела дня казалось особенно бросающимся в глаза.

Мо Линъюнь закусил губу и тихо произнес:

— Наставник, сегодня пятнадцатое. Люди внизу любят называть это Праздником фонарей, это прекрасное время для воссоединения.

— Вы, наверное, не отмечаете такое? Но я раньше очень любил этот праздник. Помню, хозяин лавки с кашей тогда бесплатно раздавал теплую кашу и танъюань, поэтому мне так нравился этот день, — плотно сжатые губы Мо Линъюня чуть дрогнули, он внезапно поднял взгляд на Цзин Жуна и сказал: — Но сейчас мне кажется, что он мне уже не так сильно нравится.

— Линъюнь...

В глазах, что обычно лучились улыбкой, не осталось и следа веселья, а та легкая улыбка показалась Цзин Жуну лишь иллюзией. Он увидел, как Мо Линъюнь, совсем как прежде, бессознательно ухватился за полу его одеяния, а затем опустил взгляд и крайне тихо, с долей робкой осторожности спросил:

— Наставник, я все еще нужен тебе?

— ...Ты нужен мне, — Цзин Жун сжал ладонь Мо Линъюня, вцепившуюся в его рукав, и лишь тогда заметил, что пальцы юноши ледяные — оставалось только гадать, сколько всего передумал тот по дороге.

— Даже если я больше никогда не продвину свою практику ни на шаг? — казалось, всегда исполненный дерзкого задора Мо Линъюнь потерял право капризничать и теперь с опаской добивался от Цзин Жуна гарантий.

— Да, ты — ученик меня, Цзин Жуна, — Цзин Жун заправил за ухо Мо Линъюня прядку волос, упавшую на щеку, и лишь долго помедлив, произнес: — Сходи ради наставника в болото Чанчуань за одной вещью.

...

— Ханьсю?! Да ты сошел с ума! — припозднившийся и заставший Цзин Жуна одного в Зале Линсяо Даос Тяньцюань чуть не выплюнул кровь от ярости, вызванной младшим учеником. Он всегда считал Цзин Жуна самым сдержанным и рассудительным, но что он сейчас творит, отправляя часть своей разделенной души вместе с посторонним за пределы секты?!

Цзин Жун не смотрел на него, лишь тихо ответил:

— Он мой ученик.

— Но от него нет никакого толка! Он впустую занимает место твоего ученика, и теперь ты еще вытворяешь подобную глупость!

Лицо Цзин Жуна слегка побледнело, но стоял он все так же прямо. Закрыв на мгновение глаза, он вздохнул:

— Линъюнь — ученик, с которым я провел церемонию надевания венца и дарования имени, перед которым поклонился трем владыкам. Ему и без того выпало немало тягот, и я считаю, что моя совесть чиста в том, чтобы защищать своего ученика.

— Ты...!

— И всё же, учитель, не проявили ли вы на этот раз излишнюю поспешность? — Цзин Жун озвучил то, что не давало ему покоя. Учитывая нрав его наставника, тот вряд ли стал бы спешно изгонять человека из секты лишь потому, что он взял ученика с врожденными разрушенными меридианами, однако прежнее поведение Даоса Тяньцюаня и впрямь выглядело чересчур торопливым.

— ...Я просто боялся, что ты не разглядишь людей толком, — Даос Тяньцюань, казалось, был задет за живое, и тон его невольно упал. — Всего лишь сирота из глуши, с какой стати тебе тратить на него душевные силы и заботу.

— Только ли в этом дело, учитель? — Цзин Жун не был силен в светском общении, но это не значит, что он не умел отличать правду от лжи в чужих словах: Даос Тяньцюань явно что-то от

него скрывал.

— Да, — Даос Тяньцюань не желал продолжать этот разговор, достал из пространственного хранилища пилюлю восполнения истоков, бросил ее Цзин Жону и приказал: — Отправляйся в уединение к наставнику и как следует занимайся практикой. С этого момента, без моего разрешения, тебе запрещено покидать горные врата Секты Сюаньтянь.

— Слушаюсь, учитель, — сложив руки, отозвался Цзин Жун.

Он всегда слушался учителя, но на этот раз с помощью техники разделения души он создал бумажную куклу, чтобы та сопровождала Мо Линъюня на пути с горы.

Наставник был прав, наказывая его — в конце концов, если бы другие заклинатели узнали о разделении души, это наверняка подняло бы новую бурю.

<http://bllate.org/book/20174/2009554>